

A. Г. Кравецкий
(Москва)

Литургический язык как предмет этнографии

Левша отвечает:

— Наша наука простая: по Полусоннику,
а арифметики мы нимало не знаем.
Англичане переглянулись и говорят:

— Это удивительно.

А Левша им отвечает:

— У нас это так повсеместно <...>

Они говорят:

— Это жалко, лучше бы вы из арифметики
по крайности хоть четыре правила сложения
знали.

[Лесков П., с. 209]

1

Говоря о традиционной культуре, исследователи обычно имеют в виду комплекс народных представлений, так или иначе связанный с дохристианскими верованиями или феноменом «народного христианства». При этом традиционная культура в той или иной степени противостоит культуре книжной. Настоящая статья описывает ситуацию, когда информация о бытования церковнославянского языка в России XIX–XX вв. заимствуется из источников, к которым скорее обращаются этнографы, чем исследователи книжной культуры.

Вопрос о степени распространения церковнославянской грамотности в XIX–XX вв. никогда не ставился, ибо все казалось вполне ясным: если для средневековой Руси число грамотных (умеющих читать) теоретически должно было быть весьма значительным, потому что умение читать являлось составной частью благочестия, а обучение грамоте — частью катехизации [Успенский 1987, с. 19–20], то после возникновения нового, ориентированного исключительно на светскую культуру, литературного языка грамотность стремительно падает и к концу XIX в., согласно

жанным переписи, составляет 21,1% [Общий свод I, с. XVI]. Вопрос о том, о какой грамотности — русской или церковнославянской — шел здесь речь, никогда не вставал.

Ниже мы попытаемся обосновать следующий тезис: параллельно с организуемыми светскими и церковными властями учебными заведениями¹ в послепетровской России продолжало существовать и было широко распространено домашнее обучение церковнославянскому языку. В XIX — начале XX в. церковнославянская грамотность рассматривалась как элемент полуязыческого народного быта, не включалась в сферу культуры и не замечалась как самостоятельное явление. Информацию об умении читать по-церковнославянски следует искать не у историков образования, которые не считают эту грамотность собственно грамотностью, а у писателей и этнографов.

В данной работе мы не будем касаться достаточно сложных проблем, связанных с определением границы между русским и церковнославянским языком. Под церковнославянским языком мы будем понимать язык, тексты которого печатались кириллицей, а под русским — язык текстов гражданской печати. Различие сфер употребления этих азбук рассмотрено В. М. Живовым [Живов 1996, с. 73–88]².

Массовому сознанию образованного общества церковнославянская культура была чужда. Богословская и мистическая литература чаще читалась на европейских языках³. В мемуарах XIX в. Библия часто упоминается среди книг, прочитанных на английском, французском или немецком языке⁴. Так, например, по наблюдениям М. Ф. Мурьянова, стихотворение А. С. Пушкина «Верхоград моей сестры» (1825), являющееся переложением фрагмента Песни песней, опирается на французский текст Библии⁵. До появления во второй половине XIX в. русских переводов святоотеческих творений на французском языке читались и сочинения Отцов Церкви. «Примите мой искреннейший совет, — пишет еп. Игнатий (Брянчанинов) одному из своих корреспондентов, — займитесь глубоко чтением всех сочинений святого Иоанна Златоустого; они все есть на французском языке, <...> еще кое-что есть и на русском» [Игнатий 1996, с. 174].

В гимназиях церковнославянский язык изучали как язык классический, опираясь при этом на грамматику русского литературного языка. Так, в предисловии к гимназическому учебнику церковнославянского языка В. Классовский пишет, что «книга эта назначается для учеников, знакомых, между прочим, с грамматикою современного русского языка» [Классовский 1857, с. V].

Аналогичным образом было устроено и начальное образование. Свидетельством этому являются русско-церковнославянские буквари. Букварь — книга, которая читается подряд, т. е. материал в ней располагается в той же последовательности, что и изучается. Во многих русско-церковнославянских букварях русский раздел предшествовал церковнославянскому. Следовательно, авторы этих букварей полагали, что «учить детей церковнославянской грамоте следует после того, как пройдут они русскую азбуку» [Анастасьев 1897, с. 161]. Хорошего описания русско-церковнославянских букварей нет. Но 13 наудачу взятых букварей собрания РГБ⁶ дают следующую картину: только в одной из рассмотренных книг [Викторин 1871] церковнославянская и русская азбуки вводятся одновременно⁷, но и здесь церковнославянские тексты даются с параллельным русским переводом (т. е. русский язык вновь оказывается основой для обучения церковнославянскому). В остальных букварях церковнославянские алфавит и тексты помещаются и, следовательно, изучаются, после русских.

Казалось бы, хранителем и апологетом церковнославянской культуры должно быть духовное сословие, но это не так. Дело в том, что общеобразовательные предметы в семинариях изучались в том же объеме и в соответствии с теми же методиками, что и в гимназиях. По крайней мере до 70-х годов XIX в. выпускники семинарий⁸ имели право поступать в университеты. Курс духовных училищ соответствовал четырем классам гимназии.

Как известно, семинарии создавались по образцу духовных школ Юго-Западной Руси (первая семинария была открыта в Чернигове в 1700 г.). По традиции в семинарском образовании основное внимание уделялось латинскому языку, а церковнославянский оказывался тем предметом, который надо было освоить дома. В 1740 году появляется указ Синода, согласно которому начальное (т. е. церковнославянское) образование будущие семинаристы должны были получать до поступления в учебное заведение. Не получившие этого образования в училища не допускались [Знаменский 1881, с. 348].

О том, что эти указы выполнялись, свидетельствуют мемуары И. М. Малеина о его поступлении в Тверское духовное училище (дело происходит в 50-е годы XIX в.): «Ректор прочитал прошение, спросил, привита ли мне оспа, и, получив утвердительный ответ, продолжал спрашивать отца: научил ли он меня читать и писать. Отец отвечал, что я часто читал в селе в церкви Часы. Тут ректор взял со стола маленький Служебник, открыл его пальцем на страницу, велел мне читать» [Малеин 1993, с. 71]. Т. е. минимальное образование, необходимое для совершения богослужения, было

традиционным, домашним, в то время как семинарское образование, находившееся под влиянием светской школы, мало соответствовало нуждам приходского священника⁹.

Семинарское образование немного давало будущему священнику для практической деятельности, между тем окончание семинарии теоретически было необходимым условием для рукоположения. Указ Синода 1737 г. определял штрафы архиереям, производящим недоученных семинаристов в священники [Знаменский 1881, с. 149]. Синод неоднократно издает указы об обязательности образования для духовного сословия. Не успевающие ученики в некоторых случаях отдавались в солдаты [ПСЗРИ X № 7169; ПСЗРИ VIII, № 5882, 6066, 6152, 6267; Знаменский 1881, с. 300–302].

Вне всякого сомнения, знание латыни и западных богословских систем было весьма полезно для будущего иерея. Но приобщение будущего священнослужителя к культуре иного типа создавало брешь между ним и прихожанами. Среди лиц духовного сословия оказывалось немало носителей европеизированной модели образованности. С западнических позиций критикует традиционную систему образования автор двухтомной работы «О православном черном и белом духовенстве», в весьма резких выражениях описывая «блаженные для невежества времена», когда «у нас не было учителей в том смысле, как ныне их принимают и устраивают: учили, и то кое-как, читать, даже писать — ученые читали Часовник, Псалтырь; ученнейшие шли далее — читали прочие церковные книги, брались за Четии—Минеи, даже за Библию; о светской литературе и понятия не имели» [О православном духовенстве 1866, с. 113]. Критика традиционных приемов обучения грамоте становится общим местом. «Педагоги, — пишет С. И. Беллюстин [Беллюстин 1861, с. 42], — убивают самые живые, самые здоровые умственные силы народа <...> вколачивают, в самом буквальном значении этого слова, в голову его каждую букву алфавита и особенно это дикое сочетание букв, что зовется складами¹⁰, вроде, например, того, что веди-земля-добро-рицы-аз-ра будет вздра».

2

Тот факт, что массовое сознание образованного общества не включало церковнославянскую книжность в сферу культуры, повлиял и на результаты переписи 1897 г., которая, казалось бы, должна была ответить на интересующие нас вопросы, касающиеся уровня грамотности.

Изучение рекомендаций и инструкций, предназначенных для переписчиков и технических сотрудников, обрабатывающих материалы этой переписи¹¹, показывает, что вопрос о языке носил вспомогательный характер и должен был заменить вопрос о национальности. Указание на родной язык здесь жестко связано с национальностью информанта [Пособия I, с. 58; Пособия II, с. 7]¹². Причем, в районах со сложной языковой ситуацией в переписной лист вписывалась и национальность¹³.

При таком подходе церковнославянский язык, который является языком Церкви, а не нации, оказывается вне внимания переписчиков. Не попадает он и в список языков Империи [Пособия 1899, с. 53–55; Пособия X, № 10]. Мы не знаем, как поступал переписчик в тех случаях, когда образование информанта сводилось к Часослову и Псалтыри. Не удалось найти никаких инструкций, поясняющих, как вести себя в подобных ситуациях¹⁴. Видимо, такие люди могли отмечаться как неграмотные.

Отсутствие четкого определения понятия «грамотность» вело к недоразумениям. Например, А. П. Чехов указывал, что крестьяне, умеющие читать только по-печатному, называли себя неграмотными. Неграмотными также называли себя люди со слабым зрением¹⁵. Возможно, именно этим объясняется тот факт, что относительно высокий уровень грамотности обнаруживается у молодых людей, в то время как у старшего поколения он в несколько раз ниже: если среди мужчин 10–19 лет оказывается 51% грамотных, то среди 50–59-летних — 20,1%, а среди 100–109-летних — 6,5%.

Аналогичные цифры характеризуют и женскую грамотность [Общий свод I, с. XVI]. О чем свидетельствуют эти цифры — об уровне грамотности или о развитии у информантов преклонного возраста старческой дальновидности?¹⁶.

Программа переписи была ориентирована на европейскую систему образования, поэтому самыми грамотными, по данным этой переписи, оказываются жители Привислинских губерний [Общий свод I, с. XVI–XVIII], т. к. именно там европейские формы образования имели давнюю традицию.

Сказанное выше позволяет утверждать, что данные переписи 1897 г. не содержат достоверной информации об уровне грамотности России конца XIX в. Программа переписи была ориентирована на европейский опыт и не предусматривала возможности существования церковнославянской грамотности, т. к. церковнославянское образование было частью домашнего благочестивого воспитания, а не реализацией идей народного просвещения.

Церковнославянская грамотность не замечалась современниками, анализирующими культуру России, но в качестве бытовой детали фиксировалась этнографами и писателями.

Огромный этнографический материал, содержащийся в записях, сделанных в соответствии с различными программами в середине XIX в., обобщен М. М. Громыко [Громыко 1986]. Говоря о черницах или келейницах, М. М. Громыко отмечает, что одной из обязанностей этих женщин было обучение детей. «Келейницы, — пишет она, — были грамотными, и многие из них учили детей по Часослову и Псалтыри читать по-церковнославянски и писать церковным уставом, а также обучали порядку богослужения. Иногда общины строили специальные школы для этого обучения. Дети называли келейниц здесь мастерицами, и это название бытовало и у взрослых» [Громыко 1986, с. 104].

О широком распространении среди жителей уездных городов церковнославянской грамотности свидетельствует «Записка», которую И. В. Киреевский отправил в 1854 г. в Министерство народного просвещения¹⁷. Суть «Записки» сводится к тому, что основной причиной непопулярности уездных училищ является низкий уровень преподавания в них церковнославянского языка¹⁸. Знание церковнославянского языка родители считали необходимым для своих детей и поэтому училищу предпочитали традиционные способы обучения. «Записка» И. В. Киреевского свидетельствует о том, что знание церковнославянского языка в уездном городе середины XIX в. было нормой.

В произведениях художественной литературы, где традиционное обучение интересует автора не как факт культуры, а как бытовая деталь, мы периодически находим упоминания о таком обучении. Причем о церковнославянской грамоте сообщается как о будничном явлении. Поиск и анализ свидетельств, касающихся распространения церковнославянской грамотности, — дело будущего. Наша задача — продемонстрировать плодотворность таких поисков. В качестве иллюстрации рассмотрим фрагменты некоторых произведений П. И. Мельникова-Печерского и Н. С. Лескова.

П. И. Мельников-Печерский невысоко оценивает образование старообрядцев. В его романах нередко встречаются иронические характеристики традиционного образования¹⁹. К тому же основной причиной раскола он считает недостаток на Руси грамотных людей [Мельников XIII, с. 1–3]. Таким образом, П. И. Мельникова-Печерского нельзя заподозрить в идеализации жизни старооб-

рядцев, и на его объективность можно положиться. Учение у мастериц описывается следующим образом.

Первой учебной книгой был Букварь. Видимо, начинать занятия с детьми могли родители, а продолжали мастерицы [Мельников 1956, с. 56–57]. Грамоте учили мальчиков и, реже, девочек [там же, с. 54, 62]²⁰. Любопытно, что в скитах девиц могли учить и гражданской грамоте, хотя отношение к ней в старообрядческой среде было весьма настороженным, т. к. гражданская азбука ассоциировалась с новой (обмирщенной) культурой²¹.

Оплата обучения была подчинена традиционным правилам. По свидетельству П. И. Мельникова-Печерского, мастерица «получала за труды плату съестными припасами, кой-чем из одежи, деньгами редко. Брала за выучку с кого погодно, с кого как; за азбуку плата, за часовник другая, за псалтырь третья» [Мельников 1956, с. 54]. «Кроме условной платы за учение, мастерица при каждой перемене учеником книги, то есть при начале часослова и при начале псалтыря, получает горшок сваренной на молоке каши, платок, в котором ученик несет этот горшок, и половину деньгами. Кашу съедают ученики, платок и деньги поступают в карман мастерицы. Старинный обычай, упоминаемый еще в XV веке, сохраняется доселе у раскольников»²² [Мельников 1956, с. 58]. Любопытно, что вносить эту плату за ученика могли только его родители. Мастерица отказывается принимать плату за обучение от благотворителя²³. До той поры, пока родители не внесут плату, ребенок будет заниматься по прежней книге, «твердить зады» [там же, с. 58, 59]. Сообщение П. И. Мельникова-Печерского о том, что у мастериц учились и дети неимущих родителей, свидетельствует о независимости церковнославянского образования от материального положения.

Информация о традиционном образовании, которую удается извлечь из повести Н. С. Лескова «Однодум», ценна тем, что персонажи «Однодума» принадлежат к синодальной церкви²⁴, и близость картин, описанных Н. С. Лесковым и П. И. Мельниковым-Печерским, свидетельствует о распространении грамотности как в старообрядческой среде, так и между приверженцами синодальной церкви.

Говоря об образовании своего героя, Н. С. Лесков пишет, что мать «отдала (его) в науку „мастерице“; мастерица научила Алексашку²⁵ тому, что сама знала. Дальнейшую же, более серьезную науку преподал ему дьяк <...>. Дьяк, „отучив“ Алексашку, взял горшок²⁶ каши за выучку, и с этим вдовин сын пошел в люди» [Лесков Н, с. 6]. Макаров — человек, «поврежденный от Библии»,

т.е. постоянно читающий Св. Писание. Для чтения Библии, а особенно Ветхого Завета, требуется основательное знание церковнославянского языка, а Макаров читает по-церковнославянски [Лесков II, с. 8], следовательно, он знает этот язык хорошо. Кстати любопытно, что среди чрезвычайно лаконичного сообщения о жене Макарова мы находим упоминание о том, что «грамоте она не знала и Александр Афанасьевич не желал пополнить этого пробела в ее образовании» [Лесков II, с. 15]. Т. е. неграмотность оказывается одной из характерных черт этой женщины, чем-то достойным специального упоминания, выделяющим ее из общей массы.

Аналогичным образом учили грамоте и представителей городского мещанства. Яркое описание такого обучения находим в «Детстве» А. М. Горького. Из текста видно, что обучение шло по складам, а после азбуки учащийся переходил к чтению Псалтири [Горький XIII, с. 65–68].

К сожалению, носители «низовой» культуры почти не писали мемуаров. Поэтому источники, относящиеся к этой категории, чрезвычайно ценные. В написанных в начале 70-х годов мемуарах крестьянина И. С. Карпова обнаруживаем следующее описание²⁷: «Все были неграмотные, а мама какими-то судьбами научилась славянским буквам, и умела складывать слова, и стала меня учить алфавит: аз, буки, веди, глаголь, добро, есть, живете, зело, земля, иже, и, како, люди, мыслите, наш, он, покой, рцы, слово, твердо, ук, ферт, хер, кси, пси, ер, еры, юс, фита, ижица. Это мне, малышу, было под силу. А вот складывать слова долго не мог научиться, но наконец одолел и эту премудрость.

Например, как сложить слова: Иван, Степан, Семен. Иже-веди-аз-наш-ер — Иван. Слово-твердо-есть-покой-аз-наш-ер — Степан. Слово-есть-мыслете-есть-наш-ер — Семен. Приходилось складывать слова и читать очень медленно. Сначала учили из Псалтыри „Блажен муж“: буки-люди-аз-живете- есть-наш-ер- блажен, мыслите-ук-живете-ер — муж. Мама часто при свете луцины садилась с Псалтирию и пальцем водила по буквам» [Карпов 1992, с. 9].

Характерно, что умение читать по-славянски носителями городской культуры не воспринимается как умение читать. В 1895 г. в селе, где жил И. С. Карпов, открывается Земское начальное училище. «Кто-то сказал учителю, что я грамотный. Учитель подал мне азбуку и заставил читать: Коля пошел к бабушке, бабушка дала ему две груши. Я начал: како-он-люди-юс — Коля, покой-он-ша-он-люди-ер — пошел. Учитель, улыбаясь, взял у меня азбуку и сказал: „На будущий год приходи“» [Карпов 1992, с. 11].

Пожалуй, наиболее подробное описание традиционного способа обучения грамоте содержится в мемуарах И. М. Малеина²⁸: «На седьмом году жизни (т. е. в 1841 г.) после молебна отец приступил к обучению своих детей (мальчика и девочки) грамоте по книге „начальное учение человекам, хотяющим учиться книгам Божественного писания“. Выучив буквы, дети освоили склады, затем читались помещенные в азбуке утренние и вечерние молитвы, Катехизис, Часослов и Псалтирь» [Малеин 1993, с. 65–68]²⁹.

* * *

Поиск и каталогизация свидетельств об уровне церковнославянской грамотности в России XIX в. — дело будущего. Приведенные выше примеры показывают перспективность таких поисков. Не исключено, что исследование вопросов, касающихся традиционного образования, прольет свет на негативную реакцию, которую вызвали деятельность Российского библейского общества и попытки перевода Библии на русский язык³⁰.

Примечания

- ¹ И в основанных по инициативе государства школах часто использовалась традиционная схема образования.
- ² Однако не следует преувеличивать степень разграниченности сфер употребления этих двух азбук. В ряде поздних букварей [Н. Т. 1868; Антонов 1886; Новейшая азбука 1867; Новый самоучитель 1860] молитвы печатаются гражданским шрифтом, а в букваре Н. Бунакова обнаруживаем написанный по-русски сентиментальный детский рассказ, который напечатан кириллицей для того, чтобы познакомить детей, знающих гражданскую азбуку, с кириллицей [Бунаков 1878, с. 58–60].
- ³ Говорить здесь о круге духовного чтения образованного человека XVIII–XIX вв. нет необходимости, ибо имеется прекрасная книга Г. Флоровского [Флоровский 1937]. После работы о. Георгия западные импульсы и источники российских богословских споров и духовных исканий можно считать доказанными.
- ⁴ Например: «Учитель преподавал мне французский и немецкий языки, а остальные сведения я сам почерпал из разных источников: читал немецкую Библию и романы Августа ЛяФонтена. Ах! Какую глубокую истину сказал Пушкин: „Мы все учились понемногу чему-нибудь и как-нибудь“» [Печерин 1989, с. 154].

⁵ Речь идет о строках:

Лишиль повеет аквилон
И закаплют ароматы.

Упоминания об аквилоне нет в греческом тексте, но есть во французском переводе Библии и Масоретском тексте [Мурьянов 1980, с. 216–217].

⁶ [Азбука 1885; Н. Т. 1868; Александров 1891; Анастасьев 1897; Антонов 1886; Андрияшев 1889; Блинов 1879; Бунаков 1878; Викторин 1871; Лубенец 1888; Новейшая азбука 1867; Новый самоучитель 1860; Русско-славянская азбука 1899].

⁷ Церковнославянская азбука приводится также в начале букваря П. Антонова. Однако Антонов дает церковнославянскую графику среди других начертаний букв, т. е. сначала идут гражданские строчные буквы, затем гражданский курсив, а затем церковнославянский алфавит, без каких бы то ни было пояснений (нет даже звуковых значений для букв, отсутствующих в гражданской азбуке). В конце книги тексты молитв приводятся гражданской печатью [Антонов 1886].

⁸ Подробное описание структуры духовных школ и духовного образования см. в книге П. Знаменского [Знаменский 1881]. Интересно сравнить описываемую Знаменским реальность с манифестом новой духовной школы в Духовном регламенте [Духовный регламент 1904, с. 47–66].

⁹ О недовольстве нишего духовенства необходимостью посыпать детей «на муку в проклятую серимарию» см.: [Знаменский 1881, с. 90–91; 293–302].

¹⁰ О чтении по складам см.: [Успенский 1970].

¹¹ Библиографию переписи 1897 г. см.: [Список литературы 1969, с. 24–32].

¹² Несоответствие языка и национальности затрудняло работу сотрудников переписного комитета, занимающихся обработкой материалов переписи. Во втором издании «Пособий» мы обнаруживаем следующее характерное разъяснение: «Принимая во внимание, что 12 графа имеет назначение дать более или менее верное представление о национальности каждого зарегистрированного лица, а между тем родной язык далеко не всегда и не всюду совпадает с понятием о национальности, то при разметке переписного материала следует в указанной графе делать поправки показаний на основании данных, встречающихся в других графах <...>. Исключение делается лишь для евреев, у которых всюду отмечается тот язык, который они сами показали, т. е. еврейский, русский, немецкий, польский и т. д. Изъятие это вызывается тем соображением, что религия евреев дает достаточные указания на национальность» [Пособия 1899, с. 55–56].

- ¹³ «В переписных листах иностранных национальностей Кавказа в графе о родном языке допустить требование об отметке о национальности независимо от родного языка» (Выписка из Журналов Комитета министров от 25.6.96, № 1814, параграф 2, Положения II).
- ¹⁴ Земство считало грамотными тех, кто умеет читать. По мнению В. В. Сапунова, этот принцип лежит и в основе программы переписи 1897 г. [Сапунов 1978, с. 196]. Однако, еще раз повторим, что никакого материала по этому поводу нам обнаружить не удалось.
- ¹⁵ «Обыкновенно вопрос предлагаю в такой форме: „Знаешь ли грамоте?“ — я же спрашивал так: „Умеешь ли читать?“ — и это во многих случаях спасало меня от неверных ответов, потому что крестьяне, не пишущие и умеющие разбирать только по-печатному, называют себя неграмотными. Есть и такие, которые из скромности прикидываются невеждами. „Где уж нам? Какая наша грамота?“ и лишь при повторении вопроса говорят: „Разбирал когда-то по-печатному, да теперь, знать, забыл. Народ мы темный, одно слово — мужики“. Неграмотными называют себя также плохо видящие глазами и слепые» [Чехов X, с. 69].
- ¹⁶ У нас есть и еще одно свидетельство о связи грамоты и зрения. П. В. Знаменский отмечал, что под актом присяги Анне Иоанновне собственноручно расписалась только половина священников Тобольской и Томской епархий. «За остальных расписывались другие, обозначая в подписи, что он поп, за которого прикладывают руку, грамоте не умеет, или немного стыдливее: он поп очами скорбен» [Знаменский 1881, с. 314].
- ¹⁷ С 1839 г. И. В. Киреевский был почетным смотрителем Бельского уездного училища.
- ¹⁸ «Русский купец мимо этого блестящего училища, которое предлагает образование даром, ведет своего сына к полуграмотному дьячку, который учит его за деньги, и к тому же обыкновенно по самой тяжелой методе. Однако происходит это не от того, чтобы отец боялся образования для сына, но только потому, что он желает такой образованности, которая не только была бы проникнута духом его убеждений, но и в самой форме носила бы свидетельство своего духа... В училище, при всех познаниях в науках... при всем катехизическом изучении Закона Божиего... мальчик не получит ни привычки, ни, следовательно, охоты к чтению книг церковных; между тем, как от дьячка он хотя не вынесет никаких знаний, но вынесет именно эту привычку к чтению церковных книг, а вместе с нею любовь к церковному богослужению» [Киреевский 1860, с. 274–275].

- ¹⁹ «О Господних заповедях, о любви к Богу и ближнему ни слова; пьянство, обманы, злоречье, клевета, воровство, даже распутство, все извивалось... Уставные поклоны, пост в положенные дни, а пуще всего „необщение с еретики“, вражда и ненависть к церкви и церковникам — вот и все нравственные обязательства, что внушают раскольничим детям мастерицы» [Мельников 1956, с. 55–56] и т. д.
- ²⁰ «Божественным книгам ее обучим, и гражданской грамоте, и писать — и всему, что следует хорошей девице» [Мельников 1956, с. 81], однако «из женщин редкие даже грамоты знали» [Мельников 1956, с. 85].
- ²¹ «...долбит перед ним Сережа: „Аз, ангел, ангельский, архангел, архангельский“, а утром тихонько от матери бежит в заводское училище, куда родители его не пускали, потому что кержачели... и думали, что училище то бусурманское. Там де учат бритоусы, да еще по гражданской грамоте, а гражданская грамота, святыми отцами неблагославленная, пошла в мир от антихриста. Опять же в заводском училище цифиркой мудрости учат, а цифирь — наука богоотводная» [Мельников 1955, с. 298].
- ²² По свидетельству Н. С. Лескова горшок каши служил платой за обучение не только у старообрядцев [Лесков II, с. 30].
- ²³ «От сторонних книжных дач не положено брать. Опять же надо ведь мальчике-то по улице кашу в плате нести — все бы видели да знали, что за новую книгу садится» [Мельников 1956, с. 59].
- ²⁴ В тексте повести это специально оговаривается [Лесков II, с. 15, 30].
- ²⁵ Известно, что прообразом А. Макарова был А. А. Рыков — солигаличский квартальный с 1800 г. Т. е. четко определены время и место — Солигалич конец XVIII — начало XIX вв.
- ²⁶ Ср. упоминание о горшке каши в качестве платы за обучение у П. И. Мельникова-Печерского.
- ²⁷ Дело происходит в архангельской деревне конца XIX в.
- ²⁸ И. К. Малеин писал свои мемуары в 1909 г. по просьбе Тверской ученой архивной комиссии. На эти мемуары обратила мое внимание И. А. Корнелаева.
- ²⁹ Не могу отказать себе в удовольствии привести текст письма, отправленного мальчиком И. К. Малеиным своему брату: «Единожды ходящими по Богоспасаемому граду Тфери и перешедши реку, именуемую Волгу, егда уклонихся на шуюю страну, узрех аз пса лежаща, вельми черна и зело страшна, очи имуще смежени, ноги же протяжени, длина его яко два лактя, высота же один лакоть, и начах по обычаю со скоростью велиею уклонятися на десную страну, и се сретоста мя два мужа

и рекоста ми: „Не бойся, господине, лежащъ пес умре“; и, возьимсъ дерзновение, приблизився ко псу и егда увидехъ его умерша, возблагодарихъ Господа и с миром поидохъ далсе» [Малеин 1993, с. 68].

³⁰ В Определении Синода по поводу перевода Библии на русский язык, осуществленного Макарием, говорится, что на церковнославянском языке «и простолюдины Священное писание читают и разумеют, а некоторые даже охотнее читают, чем в переводе на ново-русское наречие» [Чистович 1899, с. 232].

Литература

- Азбука 1885 — Азбука для русской семьи и школы. Киев, 1885.
- Александров 1891 — В. Александров. Азбука. Первое чтение и письмо в порядке изучения звуков. СПб., 1891.
- Алипий 1964 — Алипий (Гаманович). Грамматика церковнославянского языка. Джорданвилль, 1964.
- Анастасьев 1897 — А. Анастасьев. Школа грамоты. Обучение русскому и церковнославянскому чтению, письму и счету. Книга для чтения в народных училищах. Казань, 1897.
- Андрияшев 1889 — А. Андрияшев. Русско-славянский букварь. Киев, 1889.
- Аntonov 1886 — П. Antonov. Русская азбука. СПб., 1886.
- Беллюстин 1861 — С. И. Беллюстин. Приходские учителя // Журнал Министерства народного просвещения, 1861, № 4.
- Блинов 1879 — Блинов. Грамота. Вятка, 1879.
- Бунаков 1878 — Н. Бунаков. Обучение грамоте по звуковому способу в связи с предметными уроками и начальные упражнения на родном языке. СПб., 1878.
- Викторин 1871 — Викторин. Азбука по новому способу обучать детей грамоте. Казань, 1871.
- Горький XIII — М. Горький. Собрание сочинений в тридцати томах. М., 1951, т. XIII.
- Громыко 1986 — М. М. Громыко. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986.
- Духовный регламент 1904 — Духовный регламент всепресветлейшего державного государя Петра Первого... М., 1904.
- Живов 1996 — В. М. Живов. Язык и культура в России XVIII в. М., 1996.
- Знаменский 1881 — П. Знаменский. Духовные школы в России до реформы 1808 г. Казань, 1881.
- Игнатий 1996 — Епископ Игнатий (Брянчанинов). Письма о подвижнической жизни. Paris; Москва, 1996.
- Карпов 1992 — И. С. Карпов. По волнам житейского моря (Воспоминания) // Новый мир, 1992, № 1, с. 7–76.

- Киреевский 1860 — И. В. Киреевский.** О нужде преподавания церковнославянского языка в уездных училищах // Православное обозрение, 1860, т. I.
- Классовский 1857 — В. И. Классовский.** Краткая грамматика славяно-церковного языка периода печатных (в России) книг. СПб., 1857.
- Лесков I–XII — Н. С. Лесков.** Собрание сочинений в 12 томах. М., 1989.
- Лубенец 1887 — Т. Лубенец.** Русско-славянский букварь. Киев, 1887.
- Малеин 1993 — И. М. Малеин.** Устинушка // Москва, 1993, № 12, с. 51–95.
- Мельников XIII — П. И. Мельников (А. Печерский).** Поли. собр. соч. СПб., 1898. т. XIII.
- Мельников 1955 — П. И. Мельников (А. Печерский).** В лесах. Кн. I. М., 1955.
- Мельников 1856 — П. И. Мельников (А. Печерский).** На горах. Кн. I. М., 1956.
- Мурьянов 1980 — М. Ф. Мурьянов.** К структуре образа пушкинской Татьяны // Проблемы структурной лингвистики 1980. М., 1982.
- Н. Т. 1868 — Н. Т.** Азбука для сельских школ. СПб., 1868.
- Новейшая азбука 1867 —** Новейшая полная российская азбука, заключающая в себе молитвы, заповеди, краткую священную историю Ветхого и Нового Завета, нравоучительные басни и таблицу умножения. М., 1867.
- Новый самоучитель 1860 —** Новый самоучитель, или Полная энциклопедическая российская азбука... М., 1860.
- О православном духовенстве 1866 —** О православном черном и белом духовенстве. Лейпциг, 1866, т. I.
- Общий свод I–II —** Первая всеобщая перепись... Общий свод по Империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения. СПб., 1905, ч. I.
- Положения I–II —** Первая всеобщая перепись... Положения, вып. I–II.
- Печерин 1989 — В. С. Печерин.** Замогильные записки... // Русское общество 30-х годов XIX в. М., 1989.
- Пособия I–XVI —** Пособия при разработке первой всеобщей переписи населения. СПб., 1897, вып. I–XVI.
- Пособия 1899 —** Пособия при разработке первой всеобщей переписи населения. Изд. 2. СПб., 1899.
- ПСЗРИ I–LV —** Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830–1884, т. 1–55.
- Русско-славянская азбука 1899 —** Русско-славянская азбука составленная и изданная в воспоминание о дне священного коронования их императорских величеств. СПб., 1889.
- Сапунов 1978 — Б. В. Сапунов.** Книга в России в XI–XIII вв. Л., 1978.
- Список литературы 1969 —** Список литературы и материалов по теории, организации, технике и итогам переписей населения. М., 1969.

- Успенский 1970 — *Б. А. Успенский*. Старинная система чтения по складам (Глава из истории русской грамоты) // *Б. А. Успенский*. Избранные труды. М., 1997, т. 3, с. 246–288.
- Успенский 1987 — *Б. А. Успенский*. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). Мюнхен, 1987.
- Флоровский 1981 — *Г. Флоровский*. Пути русского богословия. Париж, 1981.
- Чехов X — *А. П. Чехов*. Собрание сочинений в 12 томах. М., 1956, т. 10.
- Чистович 1899 — *И. А. Чистович*. История перевода Библии на русский язык. СПб., 1899 (репринт: М., 1997).

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

Славянские этюды

Сборник к юбилею
С. М. Толстой

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНДРИК»
Москва 1999